

Жан Сибил

Вечер французских комедий

Перевод с французского Валентина Красногорова

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на перевод защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается его издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по нему в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст перевода при постановке без письменного разрешения переводчика.

Контакты:

WhatsApp/Telegram +7-951-689-3-689, +972-53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Директор музея и эксперт	3
2. Автобус № 40, остановка 36.....	11
3. Стыдись, Лола!	23

Аннотация

Перевод с французского трех очень необычных одноактных комедий с элементами гротеска и абсурда (эти пьесы размещены также на сайте [отдельно](#)). *4-13 персонажей.*

1. Директор музея и эксперт

Le conservateur et l'expert

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директор музея
Сен-Флон, эксперт
Маман, его жена
Сабина, его дочь

Комната, которая служит одновременно кабинетом и библиотекой с многочисленными картинами, частью развешанными, частью сваленными в беспорядке; освещение, тщательно организованное так, чтобы осветить картину, положенную на стол на первом плане.

Сен-Флон, мужчина лет шестидесяти, изучает картину, находящуюся на столе. Рядом с ним Директор музея. Ему лет тридцать, красный шарф, крайне встревоженный вид.

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ. *(Нетерпеливо.)* Ну?

СЕН-ФЛОН. *(Выпрямляется, снимает очки и после короткого молчания восклицает.)*

Подделка!

ДИРЕКТОР. *(Подавленно.)* Опять!

СЕН-ФЛОН. *(С улыбкой фанатика.)* Я сомневался в подлинности. Я был почти уверен в подделке. У меня была интуиция, наука это подтвердила.

ДИРЕКТОР. *(Удрученно, но упрямо.)* Но, в конце концов, это невероятно! Четырнадцатая подделка! Только и остаётся, что закрыть музей!

СЕН-ФЛОН. *(Высокомерно, ледяным тоном.)* Вы всегда можете проконсультироваться с другими экспертами... У меня много учеников... Разумеется, они не все одарены... Вы верите только тому, что вас устраивает. Что касается меня, долг перед наукой обязывает меня известить прессу.

ДИРЕКТОР. *(Теряя почву под ногами.)* Вы ведь не сделаете этого? Адольф...

СЕН-ФЛОН. *(Ледяным тоном.)* Научный отчет в профессиональный журнал, затем две-три строчки в большую газету, которая ищет пикантных новостей, скандал, огромные заголовки *(воодушевляясь)*, интервью по телевизору, сначала одну минуту в записи, потом десять минут в живом эфире...

ДИРЕКТОР. Адольф, Адольф, подумайте о людях всех возрастов, которые приходили, чтобы замереть перед этой картиной, и которые безгранично восхищались ею. Некоторые возвращались специально, чтобы любоваться ею. Ее посылали на выставки во всем мире, она как бы символ нашего города. Китайцы, американцы, аргентинцы и так далее знают о нашем существовании только благодаря этой картине!

СЕН-ФЛОН. *(Почти весело.)* Что же, они все были обмануты. Она подделка! Я, Сен-Флон, величайший эксперт в области итальянского Ренессанса, чей авторитет никем не оспаривается, разве только ослами, я это утверждаю!

ДИРЕКТОР. *(Пытаясь возражать.)* Но подлинность картины удостоверена документами, очень древними документами.

СЕН-ФЛОН. Фи!

ДИРЕКТОР. *(Рассердившись.)* Я опубликую опровержение.

СЕН-ФЛОН. Фи!

ДИРЕКТОР. *(Яростно.)* Я смешаю вас с грязью, я скажу, что вы торгуете наркотиками, что вы занимаетесь подпольной продажей картин...

СЕН-ФЛОН. Это подделка! *(Почти весело.)* Я надеюсь, что вы пригласите меня на закрытие вашего музея.

ДИРЕКТОР. *(Ошеломленно.)* Как?..

СЕН-ФЛОН. Потому что людей приглашают не только на крестины, но и на похороны. Не знаю, замечали ли вы, что те, кто закрывают свои предприятия, никогда не организуют прощальные вечеринки с приглашением акционеров и персонала. Не правда ли, это прискорбно?

ДИРЕКТОР. По моему мнению, в этом нет ничего хорошего.

СЕН-ФЛОН. *(Слегка раздосадован.)* Что ж, очень жаль. Можете не тратить на пирожные. *(В сторону.)* Эти людишки не умеют жить.

Входит Сабина, его дочь. Ей лет пятнадцать. Голубые джинсы, белая блузка.

САБИНА. Надеюсь, не помешала? Мне слишком скучно одной.

ДИРЕКТОР. *(Мрачно.)* Ваш отец только что обнаружил еще одну подделку в моем музее.

САБИНА. *(Обнимая отца.)* Моего папу часто забавляет какой-нибудь пустяк.

ДИРЕКТОР. Какой-нибудь пустяк... Цена картины упадет с десяти миллионов до нескольких тысяч франков...

СЕН-ФЛОН. *(Сабине, слегка виноватым тоном.)* Мне кажется, он рассердился.

САБИНА. Бедный папа. Кончится тем, что он откажется проводить экспертизы.

СЕН-ФЛОН. Это – никогда!

ДИРЕКТОР. *(Пытаясь идти ва-банк.)* Но, в конце концов, какая разница, настоящая ли картина или поддельная? А? Она не станет от этого менее красивой. Ведь она прекрасна, правда?

У Сен-Флона отсутствующий взгляд. Сабину слова Директора забавляют.

Вы часто ею восхищались. Вы ее любили, Адольф, не правда ли? Посмотрите на вибрацию красок, на безупречный рисунок, на идеальное тело этой богини... Какое искусство в изображении ню, какое знание рисунка и цвета... *(В экстазе.)* Когда я смотрю на нее, я чувствую себя счастливым.

СЕН-ФЛОН. *(Холодно.)* Есть немало людей, которые любят искусственный мех, подделку под крокодиловую кожу, бетон, кока-колу... У профанов есть свои удовольствия: удовольствия их уровня. Заметьте, я их не презираю: общество не может состоять из одних высших существ, оно бы не выжило.

Лицо Директора вытягивается все больше и больше. Сен-Флон, который хочет быть гуманным, добавляет, чтобы его утешить.

Впрочем, что касается чисто технической стороны, вы не так уж неправы: автор подделки здесь намного превосходит того, кого он имитировал... И в этом-то его ошибка. Картина написана слишком хорошо, в этом ее недостаток. Отсюда идет легкая дисгармония между тем, **что** представлено, и между тем, **как** это представлено. Но как только отдаешь себе в этом отчет, видишь лишь этот недостаток.

ДИРЕКТОР. *(В отчаянии.)* Но что же мне делать?

СЕН-ФЛОН. *(Весело.)* Смените специальность.

САБИНА. Я боюсь, что совет моего папочки не улучшит настроения господина директора.

ДИРЕКТОР. *(Вставая.)* Я оставляю вам картину, чтобы вы еще все обдумали.

СЕН-ФЛОН. Это совершенно излишне.

ДИРЕКТОР. *(Уходя.)* Нет, поддержите ее день или два... подумайте. *(Почти угрожая.)* Подумайте хорошенько, прежде чем написать непоправимое. *(Выходит.)*

СЕН-ФЛОН. *(Презрительно.)* Фи! *(Подходит к двери, открывает ее и кричит вдогонку.)* Она фальшивая! *(Возвращаясь.)* И он еще думает, что может мне угрожать. Мне!

САБИНА. Люди какие-то ненормальные: им разбивают жизнь, а они протестуют.

СЕН-ФЛОН. Подделка есть подделка. Я ученый. Для меня священны анализ,

экспертиза, рентгеновские лучи, хроматография, пыльные каталоги, затерявшиеся документы, сумасшедшие библиографии... И кроме того, у меня чутье.

САБИНА. *(Обнимая отца.)* У папочки собачий нюх.

СЕН-ФЛОН. Смейся, смейся. Но ни один эксперт не нашел столько подделок, сколько я.

САБИНА. По сравнению с тобой они мелки.

СЕН-ФЛОН. Они карлики. *(Снова берет картину. Восхищенно.)* Однако какой блестящий имитатор этот Леонардо да Винчи!

САБИНА. *(Ошарашена.)* Кто?

СЕН-ФЛОН. Вот видишь, даже тебя я могу еще удивить.

САБИНА. Мой дорогой папочка, наверное, совсем чокнулся?

СЕН-ФЛОН. *(Грозно.)* Не забывайся, хулиганка! *(Меня тон, доверительно.)* Это великое открытие в завершение моей жизни: Леонардо обожал имитировать картины других художников. Мания, каприз, желание позабавиться, чтобы сделать розыгрыш или чтобы изучить особенности техники других – я еще не знаю. Я уже открыл много подобного в других коллекциях.

САБИНА. Значит, это картина не Джакомо Пальма Старшего?

СЕН-ФЛОН. Нет.

САБИНА. А это не копия, сделанная учениками из его мастерской?

СЕН-ФЛОН. Не воображаешь ли ты, что какой-то художник второго ранга мог достичь такого совершенства? Как же! Открой глаза!

САБИНА. А это не подделка какого-нибудь современного художника, который... ну... в общем...

СЕН-ФЛОН. Фи! Он бы не смог обмануть меня ни на одну секунду.

САБИНА. Ну конечно. А почему Леонардо?

СЕН-ФЛОН. Он выдал себя во многих местах, его мазок, его манера... Эти достижения невозможны для Пальма. Эта картина была бы его абсолютным шедевром, если бы он ее написал.

САБИНА. Только вот...

СЕН-ФЛОН. ...он был на это неспособен.

САБИНА. Но раз это написал не он...

СЕН-ФЛОН. ...значит, это больше не шедевр, это подделка.

Входит Мама, женщина лет сорока, намного моложе своего мужа, еще красивая.

МАМА. Что тут происходит? Я видела, как только что ушел этот бедняга Фелибьен, очень расстроенный.

САБИНА. Папа обнаружил, что его Пальма Старший – подделка...

МАМА. Ах, какое несчастье.

САБИНА. ...написанная Леонардо да Винчи.

МАМА. А! *(Мужу.)* И это авторство его не утешило?

СЕН-ФЛОН. Я ему не сказал всё. Два удара подряд... Это могло бы его убить.

МАМА. *(Разглядывая картину.)* Ага... А ты уверен?

СЕН-ФЛОН. Разумеется!

МАМА. Потому что за время твоей долгой карьеры ты все же ошибался довольно часто.

СЕН-ФЛОН. *(Непринужденно.)* Людям свойственно ошибаться. Главное, добросовестность.

САБИНА. Папа очень-очень гуманный.

МАМА. Я вспоминаю скандал с музеем Белло. Я бы не хотела снова пережить это.

СЕН-ФЛОН. (*Рассерженно.*) Ах, снова эта история! Скверная бабская привычка мусолить неудачи. И, кроме того, я не изменил свое мнение. Картина была подделкой, только более хитрой, чем мне показалось.

МАМА. Ее автор сказал другое.

СЕН-ФЛОН. (*Ворчливо.*) Откуда я знал, что этот тип еще жив...

САБИНА. Если бы папа знал, что это картина не эпохи Ренессанса, он никогда бы не согласился проводить экспертизу!

СЕН-ФЛОН. (*Оскорбленно.*) Раз тут отрицают мою компетентность, я уступаю вам место. (*Выходит.*)

МАМА. (*Вдогонку.*) С тобой невозможно что-то обсуждать! (*Сабине.*) А ты могла бы его урезонить, вместо того чтобы изображать из себя паиньку.

САБИНА. Моя мамочка спала с месье Фелибьеном и потому она считает, что картины в его музее подлинные.

МАМА. (*Раздраженно.*) Не говори глупостей.

САБИНА. Моя мамочка рисует очень-очень хорошо.... даже картины Леонардо да Винчи.

МАМА. (*Очень встревоженная.*) Что ты там плетешь?

САБИНА. Всякий раз, когда месье Фелибьен очень-очень хорош в постели, мама берет кисти и обогащает его музей.

МАМА. Сабина, ты сейчас получишь затрещину, и очень сильную.

САБИНА. Проблема в том, что папа раскрывает подделки мамочки. Это супружеская драма.

Пауза.

МАМА. Твой отец меня больше не целует, и потому... Но я его по-прежнему люблю, по-своему. Иначе я бы ушла.

САБИНА. (*Злорадно и неумолимо.*) К счастью, он не знал, какой счастливый случай мог ему выпасть.

МАМА. Женщинам, и мне в частности, нужны радости в постели. Я полагаю, ты это можешь понять?

САБИНА. (*Не находит, что ответить.*)

МАМА. Когда я вышла за него замуж пятнадцать лет назад, он был великолепен. В свои сорок пять он был интеллектуально и физически мужчиной моих грёз. Но грёзы увяли. Все в нем старо теперь, тело старое, мускулы старые, секс старый, в голове вертятся одни и те же детские мысли. Мне его жаль, и он мне противен... Я считала, что уйду, но не смогла... Вначале я слонялась по барам, чтобы встречаться с мужчинами и ожить, но это начало получать огласку. Появился Фелибьен, у него был лишь крошечный музей, ничего интересного, но он был полон амбиций, он хотел путешествовать, писать в журналах, устраивать конференции, быть принятым в университетах, участвовать в международных встречах... Что касается порядочности, то у него ее нет совсем. Ни малейших скрупул, до такой степени, что он служит для меня предметом постоянного удивления. Но он красив, Фелибьен, он силен, я люблю его тело, я люблю всё его тело целиком. Когда он хочет, он полностью командует мной. Я ему покорна, я ему подчиняюсь. Я делаю всё, что он требует.

САБИНА. Подделки.

МАМА. Ну и что? А для чего еще мне можно использовать свой талант в наше время, когда искусством считают выставку каких-то обломков или холст, выкрашенный одной краской? По крайней мере, талант служит мне разменной монетой за секс,

за радости секса, за его восторги. В конце концов, это не так уж и мало. Мне почти повезло.

САБИНА. И всем остальным тоже.

Мать дает дочери пощечину. Неловкое молчание. Входит Сен-Флон с небольшой картиной в руках.

СЕН-ФЛОН. *(С озабоченным видом.)* Позвольте, мне нужен мой кабинет. *(Устанавливает картину, направляет на нее освещение и изучает ее. Бормочет.)* Здесь нет... Он тоже... Смотри-ка, вот здесь... И здесь тоже... Так-так... Кто бы мог подумать?

МАМА. Что?

СЕН-ФЛОН. Это подделка!

МАМА. *(Бросает взгляд на картину. Совершенно не удивившись.)* А...

СЕН-ФЛОН. Картина принадлежит, я имею в виду, официально принадлежит Леонардо да Винчи... Но это подделка!

МАМА. И кто же ее написал на самом деле?

СЕН-ФЛОН. Микеланджело!

Короткое молчание.

САБИНА. Неправда. Ее написала моя мама. Для ее любовника месье Фелибьена.

Пауза. Сен-Флон поражен. Кажется, его обуревают какие-то мысли, он переводит взгляд с жены на дочь, он размышляет... Внезапно он взрывается.

СЕН-ФЛОН. Никогда она не хотела писать картины для меня! *(внезапно замолкает и задумывается.)* К тому же в глазах моей дочери я рогоносец... Хорошо же! Я заставлю этого типа закрыть свой музей! *(Помолчав, жене.)* Но почему не для меня?

МАМА. Видишь ли, дорогой, я за тобой замужем, и мне не нужно делать тебе подарки, чтобы тебя удержать.

СЕН-ФЛОН. Но я же дарил тебе, например, цветы.

МАМА. *(Насмешливо.)* Спасибо, дорогой.

СЕН-ФЛОН. И дочь.

САБИНА. Спасибо, папа.

СЕН-ФЛОН. *(Дочери.)* А ты помалкивай... *(Жене.)* Подумать только, я мог иметь свой собственный музей, такой, как я мечтал, с подделками, отобранными по моему вкусу, изготовленными по моим указаниям, идентифицированными мною самим... Но ты сделала свой музей сама. Это эгоизм!.. Да еще с этим ослом Фелибьеном!

МАМА. С мужественным Фелибьеном.

СЕН-ФЛОН. Но что он такого сделал, чтобы заслужить музей?

МАМА. *(Безжалостно.)* Он может. Очень долго.

СЕН-ФЛОН. Какими материалистками могут быть женщины! Я считал тебя немного более... немного более... в смысле головы и души.

МАМА. У меня было больше души, когда у тебя было больше тела. Тогда я могла оставаться идеалисткой. Я перестала ею быть, когда оказалась вынужденной искать заместителей

СЕН-ФЛОН. Бедная моя, это было трудно?

Мрачный взгляд жены. Пауза.

САБИНА. *(Тихо.)* Как будто я совсем одна... Как будто я потеряла родителей...

СЕН-ФЛОН. Нет, что ты, нет...

МАМА. Надо было сказать глупость, она и сказала.

СЕН-ФЛОН. Ты единственное произведение своей матери, которое не является подделкой. (*Хочет приласкать Сабину, она сопротивляется.*) Ее единственный успех. Следует сказать, что и мой тоже.

САБИНА. Я хочу быть только твоей дочерью.

МАМА. Будешь продолжать, схлопочешь еще пощечину.

СЕН-ФЛОН. Твоя мать, разумеется, очень виновата. Она изготавливала подделки для какого-то осла. Не пошлют ли ее в тюрьму?

МАМА. Если и пошлют, то нас с ним обоих. Однако, не вместе.

СЕН-ФЛОН. (*Злорадно.*) Нет, почему же, двадцать лет в одной камере...

МАМА. К счастью, нет. Я не знаю, о чем говорить с этим типом, кроме как «поцелуй меня».

САБИНА. Отлично. Мама останется верной своей дочке.

СЕН-ФЛОН. Хорошая мысль.

МАМА. Но мне нужно будет кем-то его заменить...

СЕН-ФЛОН. (*Дочери.*) Если она исправится...

САБИНА. И если она хотя бы выразит сожаление...

МАМА. Ну уж нет. Исправиться – это будет достаточно?

САБИНА. Нет.

СЕН-ФЛОН. Да.

МАМА. Я сохраняю за собой Фелисьена на раз в две недели, и помирюсь на этом.

СЕН-ФЛОН. Раз в месяц.

САБИНА. Нет! Папа!

СЕН-ФЛОН. Подожди, Я еще не кончил. И она будет изготавливать подделки под моим руководством и только для меня.

МАМА. Согласна.

САБИНА. Нет, нет! Никаких больше Фелисьенов, никаких подделок! И надо выразить сожаление.

МАМА. О сожалениях не может быть и речи. Что касается подделок, меня это не колышет.

СЕН-ФЛОН. Меня тоже.

МАМА. И твой отец должен принимать таблетки, от которых он всегда отказывался.

САБИНА. Папа готов к жертвам, чтобы вернуть маму домой.

СЕН-ФЛОН. (*Недовольно.*) А ты, малышка, не вмешивайся.

САБИНА. Что до подделок, мама будет изготавливать их под руководством папы, но она гордо подпишет их своим именем, и их выставят как самые красивые подделки, которые были когда-либо написаны.

СЕН-ФЛОН. (*Скептически.*) Большого дохода это не принесет.

САБИНА. Заключаем договор?

МАМА. Конечно, дорогая.

СЕН-ФЛОН. Раз ты на этом настаиваешь...

САБИНА. Положите ваши ладони на мои. Вот так. Этим жестом вы принимаете всё, что только что было сказано.

МАМА. Прекрасно.

Кто-то скребется в дверь.

САБИНА. Вот мы и снова спаяны вместе. Пойду скажу это киске. Она очень беспокоится. (*Идет к двери, открывает ее и берет кошку на руки.*)

СЕН-ФЛОН. (*Вполголоса, жене.*) Одного Тулуз-Лотрека для музея Гуггенхайма в Нью-Йорке.

МАМА. (*Вполголоса.*) Сначала прими таблетки.

САБИНА. (*Кошке.*) Видишь, все в порядке. Я снова обрела родителей.

КОНЕЦ ПЬЕСЫ «Директор музея и эксперт»

2. Автобус № 40, остановка 36

Arrêt 36 de l'autobus 40

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В пьесе действуют примерно 13 персонажей. Желательна массовка.

Дама в черном

Пижоно, молодой человек

Четыре девушки: Минни, Кэнди, Санни и Вилли

Воришка

Шофер,

Четыре старика

Мертвец

Пассажиры автобуса, пешеходы

Перед занавесом в глубине или перед гигантским экраном, по которому перемещаются улицы и площади города, мы видим автобус «в разрезе», без одного бока, так, что его внутреннее пространство обращено к зрителю. Он отнюдь не полон. Максимум, в нем находится человек пятнадцать, часть из них стоит. Актеры должны воздерживаться от крика; если их не слышно, пусть им дадут микрофоны. Это позволит варьировать громкость, опуская ее до шепота. Некоторые персонажи могут быть с успехом заменены манекенами; в этом случае они должны иметь вид, как можно меньше похожий на людей, не теряя однако при этом образ человека.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Лет сорока, изысканная. Она обращается к Пижоно, сидящему рядом с ней.)* Максим, это напоминает мне катафалк моего бедного мужа.

ПИЖОНО. Тетя, тому уже шесть месяцев... И всего один километр... Он наверняка уже доехал.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Если я хотя бы следовала за ним, я бы испытывала меньше угрызений совести. Ах! Я так спешу увидеть, где похоронен Пьер.

ПИЖОНО. *(Самодовольно.)* Должно быть, без нас церемония выглядела странно, это уж наверняка.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Мой милый ухажер, мы в тот день чересчур много занимались любовью, ты заставил меня забыть о времени, и теперь я чувствую себя виноватой... Как будто какой-то упрек вибрирует в воздухе вокруг меня... постоянно... как будто воздух – это его дыхание, его голос.

ПИЖОНО. *(Самодовольно.)* Это взамен ваших эротических галлюцинаций. Я же говорил, что я вас вылечу.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Признавая с благодарностью.)* Благодаря тебе они оказались не галлюцинациями, а предчувствиями. А вдруг мой муж окажется на этой автобусной остановке?

ПИЖОНО. *(Ухмыляясь.)* Как раз автобус и раздавил его тогда в лепешку. Я думаю, покойник не может там торчать до сих пор.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Боже мой, это верно. Ты считаешь, что... ну... мы будем точно на том месте, где он был убит?

ПИЖОНО. В любом случае вы захотели увидеть остановку, где было происшествие, и скоро мы там будем.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Как жаль, что ты теперь не заставляешь меня забыть о времени так же хорошо, как делал это шесть месяцев назад.

Недовольная гримаса Пижоно. Молчание.

МИННИ. *(Ей семнадцать, как и трем ее подругам; она читает комикс.)* Скратч!... мгам.. ррр... мьям мьям...

КЭНДИ. Ты читаешь что?

САННИ. Надо говорить: «что ты читаешь?», а не «ты читаешь что?». Вопросительное слово ставится впереди.

КЭНДИ. Чё ты выламываешься?

САННИ. А тебе тоже надо быть повнимательней на уроках.

МИННИ. Скратч... яу гва гва...

ВИЛЛИ. *(С плеером, на голове наушники, в экстазе, глаза в потолок, иногда подпевая.)*
Оооо...Аааа... Лаав... Love... Лав... .

КЭНДИ. Ну так ты читаешь что?

МИННИ. Шимпанзе Мицкату камергер.

КЭНДИ. Нравится?

МИННИ. Охренопупительно. Это японское... Такие штучки-дрючки, прямо хвата тя за глотку.

САННИ. Не говорят «глотку», говорят «хватают тя прямо в морду». Это было на прошлой неделе на уроке французского.

МИННИ. Ты нас задолбала со своими уроками.

КЭНДИ. Французский – это то, как говорят. Прошлогодний учило был куда интереснее, просто афигеть, он говорил, что всякий язык развивается, и что я помогаю языку развиваться.

ВИЛЛИ. *(Напевая.)* Лаав... Ай лав... Ин май... кункун...

САННИ. Не трепись, не можешь ты его развивать. А он и училим-то настоящим не был: ни хрена из литературы он и не читал.

МИННИ. И что?

КЭНДИ. Да, не вижу связи.

МИННИ. Это он познакомил меня с Мицкату как-то в субботу вечерком, когда я зашла к нему домой.

КЭНДИ. Ты мне этого не говорила!

МИННИ. Есть вещи, которые не говорят даже подружкам.

ВИЛЛИ. *(Напевая.)* ... Кун...кун.... Кун... трай.... ооо...

САННИ. Совсем сдурели.

МИННИ. Ах, отсекись, дай почитать.

КЭНДИ. Можно и мне посмотреть? *(Тоже смотрит в комикс.)*

Молчание.

МОЛОДОЙ ВОРИШКА. *(Меняя свое место, толкает пожилого господина; одновременно его рука скользит в карман господина и вытаскивает оттуда бумажник.)* Простите.

ГОСПОДИН. Ничего страшного.

Воришка перемещается в глубь автобуса. Свет падает на шофера.

ШОФЕР. Я-то все видел... Знаю я его. Он ездит со мной на этой линии уже пять месяцев. Но я ничего не скажу: у каждого свои дела. Жаль, впрочем, что он не соблюдает этот принцип. И потом что, мое дело только смотреть на дорогу.... Дорога... Какой кошмар... Без этих привычных спутников, чтобы я мог читать им мораль... но нет, ты говоришь не то! Без них я бы просто не выдержал... нет... ведь как только один из них заходит, автобус начинает меньше качать, его корпус перестает дребезжать, он становится нежным, укачивающим... Естественно, мои друзья не отдают себе в этом отчета; они даже не знают, что они мои друзья...

Пауза.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Нежно, Пижоно.)* Скажи мне что-нибудь.

ПИЖОНО. *(Довольный.)* Видела этих телочек? Забавные.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Что-нибудь о любви, что-то умное....

ПИЖОНО. *(Без души, но с удовольствием составляя красивую фразу.)* Я люблю твои объемистые сиськи, и жирные округлости твоей талии, и опьяняющий восторг твоих стонов.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Мой дорогой пижончик...

Звуки клаксона.

ШОФЕР. Вот те на! Проклятый пес! Я как-нибудь тебя раздавлю.... *(Оборачиваясь к*

публике.) Ах, я знаю столько историй про кучу людей... с которыми я незнаком... Эти малышки, для примеру; вот уже годы, как я перебрасываю таких с места на место... безнадежные школьные истории... мой сын учился в этой же школе, и он мне рассказывал... он мне однажды сказал: «а девчонки симпатяги»... Если знать уровень моего парня, то ясно, что он не способен оценить интеллектуальность.

САННИ. Я слышу, как ты думаешь вслух, шофер. Пусть мозги в твоём котелке умолкнут. Следи лучше за дорогой.

ШОФЕР. Мне больше нравится смотреть на юную Санни. Эге, она становится милашкой. Она созревает.

САННИ. Бу-га-га. Этот шоферюга совершенно невозможный.

КЭНДИ. Что он себе воображает, этот квазимодо?

САННИ. У него в башке крутятся видения насчет моего молодого тела.

КЭНДИ. А насчет моего?

САННИ. Ты для этого недостаточно интеллектуальна.

КЭНДИ. Какая связь?

ДАМА В ЧЕРНОМ. Если мне будет позволено внести лепту в общую дискуссию, шофер автобуса должен иметь поведение, играющее воспитательную роль по отношению к молодежи.

ШОФЕР. А вам я советую ездить в такси.

САННИ. Да, еще не хватало, чтобы он взялся за моё воспита.

КЭНДИ. Мы не хотим быть шлюхами. А что про меня, так я даже учу школьные уроки.

САННИ. Но ты же в них ни бельмеса.

КЭНДИ. Подумаешь, главное, я учу. Хочу быть врачом.

ШОФЕР. А ты, Санни?

САННИ. Я? Училкой, потому что надо быть реалисткой. Я считаю, что нужно правильно оценивать своих способностей.

ДАМА В ЧЕРНОМ. И вы сможете достичь нужного уровня?

САННИ. Я уже достигла. Я знаю столько же, сколько наша училка.

КЭНДИ. Это верно. Мадам Жак, она часто говорит так: Санни, замени меня на пять минут, я пойду пописаю.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Она так и говорит?

КЭНДИ. Да, и когда возвращается, ну, минут через пятнадцать-двадцать, она говорит: браво, Санни, у меня это получилось бы не лучше.

ДАМА В ЧЕРНОМ. И вы ей верите?

ШОФЕР. О, они могут ей верить. Она была училкой моего сына...

ПИЖОНО. Между прочим, хорошо видно, что эти девушки уже очень развиты.

САННИ. Это верно.... Особенно Минни. Она все время читает.

ШОФЕР. Не болтай. Она все время читает одно и то же.

МИННИ. Ты, фуфломет, что ты там несешь? Это шестьдесят третий том Мицкату, вот что я сейчас читаю, да.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Но... Разве это не слишком... однообразно?

МИННИ. (*Презрительно.*) Не смей мои тапочки. Когда ты читала Мицкату последний раз?

ДАМА В ЧЕРНОМ. Боюсь, что... что я вообще его не читала.

ПИЖОНО. Знаете ли, нужно очень попыхтеть, что узнать от нее, что она читала.

КЭНДИ. Чем же она тогда занимается, в ее-то возрасте?

ДАМА В ЧЕРНОМ. (*Обиженная.*) Хорошо, а вы чем? В вашем возрасте?

КЭНДИ. (*Принимая глубокомысленный вид.*) Что касается меня, я медитирую.

САННИ. Это верно, иногда она кажется абсолютно отсутствующей.

КЭНДИ. (*Удовлетворенно.*) Да, потому что я медитирую.

ШОФЕР. Скажи даме, о чем.

КЭНДИ. *(Покраснев.)* О, об этом нельзя говорить.

ПИЖОНО. А я, я тоже люблю медитировать.

КЭНДИ. *(Она очарована.)* Правда?

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(С иронией.)* Он куда шустрее, чем это кажется по его виду.

МИННИ. Видите ли, Мицкату умеет преодолевать проблемы благодаря полному отсутствию комплексов и принципов. Часто, когда у меня есть проблемы, я говорю себе: что бы сделал Мицкату? И мне остается только применить это на деле.

ШОФЕР. А как водить автобус, чтобы зарабатывать на жизнь, и в то же время быть где-то в другом мире? Мицкату объясняет это?

МИННИ. Конечно... Но я еще не прочитала этот том.

ШОФЕР. *(Отчасти с горечью, отчасти с иронией.)* В книгах только вранье.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Совершенно верно.

МИННИ. Вы говорите так, потому что вы старые лодыри.

КЭНДИ. *(Санни.)* Отстой. Это таких называют человеческие отбросы?

САННИ. Ты не должна так говорить, а то они обидятся.

КЭНДИ. Почему?

МИННИ. Они не столь развиты, как мы.

КЭНДИ. А-а... Впрочем, заметно.

ШОФЕР. Дурехи!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Bravo!

МАЛЫШКИ. О! Гнусный шоферюга оскорбляет хороших девочек!

ПИЖОНО. *(Девочкам.)* Примите во внимание, что я не солидаризируюсь с этими людьми.

МИННИ. И хорошо делаешь.

КЭНДИ. Да.

САННИ. Эти придуркозавры от них можно подавиться.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно, дорогой мой!

ШОФЕР. Дурехи, дурехи и дурехи!

ДЕВОЧКИ. *(Вибрируя от злости.)* Ешма-ешма!

ВИЛЛИ. *(Снимая наушники, с американским акцентом.)* Вы чё? Че вы тут развели базар?

МИННИ. Это вот этот, он нас оскорбил.

ВИЛЛИ. Сволочь! Я, у меня есть парни, они придут в твой долбанный автобус и свернут тебе шею!

МАЛЫШКИ. Bravo, Вилли! Надо защищаться.

КЭНДИ. Твои мозги так и брызнут, грязный шоферюга.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно, ответ же мне!

МИННИ. Мицкату ему бы уже разрисовал ножичком всю рожу, у него кровь так и лилась бы уже со всех сторон.

САННИ. Ага! Мицкату!

КРОШКИ. *(Скандируя.)* Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно!

ПИЖОНО. Тетя, я решительно считаю, что нам с вами следует присоединиться каждый к соответствующему поколению. Это были прекрасный сон и прекрасные ночи, но сегодня секс влечет меня в иную сторону.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(В слезах.)* Ты лишен нравственности. Какая польза в том, что тебе дали образование?

ШОФЕР. Да никакой! Только вред!

КРОШКИ. *(Скандируя.)* Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ПИЖОНО. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

МАЛЫШКИ. (*Аплодируя.*) Bravo!

ВИЛЛИ. I've rosenight of your twin.

ПИЖОНО. Ого! Англичанка, что ли?

КЭНДИ. Нет, чего вдруг?

ВИЛЛИ. (*Удивленно.*) Аоуоаоуао?

ПИЖОНО. Я все равно за плюралингвизм.

ШОФЕР. Чего ты разболтался? Она ж по-французски ни бум-бум.

ПИЖОНО. Ага, значит, француженка с недавних пор?

МИННИ. Что за глупость! С чего ты взял?

САННИ. Он битком набит предрассудками. Для такого юнца...

МИННИ. Она просто спицылистка по американоговорящей песне, вот и все.

КЭНДИ. Французский учить у нее реально не было времени.

САННИ. Да еще и уроки...

ПИЖОНО. Ага... И вместо этого она бегло говорит по-американоамерикански?

САННИ. Она говорит на американопесенном языке.

МИННИ. (*Восхищенно.*) И это здорово!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Стоит ли об этом рассуждать?

ПИЖОНО. Все-таки, тетя, как иногда вы действуете мне на нервы!

КЭНДИ. Да, она нервирует, эта старуха.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Я пока еще имею право высказать свое мнение.

САННИ. Такие мнения уж лучше не...

КЭНДИ. Вот-вот.

ШОФЕР. В раю идиоток пижон будет королем.

КЭНДИ. Чё он там еще вякнул, этот грязный водило?

Вилли начинает дергаться.

САННИ. Надень снова наушники, Вилли. Без них у тебя будет кризис.

МИННИ. Еще две минуты без музыки, и у тебя точно будет кризис от нехватки.

Вилли, дергаясь все сильнее, никак не может надеть наушники.

КЭНДИ. Постой, я тебе помогу.

ВИЛЛИ. (*В наушниках, переставая дергаться, удовлетворенно.*) Уах...

САННИ. Че-то жарковато.

МИННИ. Угу.

КЭНДИ. Шофера надо отправить в тюрьгу.

ПИЖОНО. Законно.

ШОФЕР. Дегенераты.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Эти юнцы невыносимы.

ВОРИШКА. (*Внезапно вмешиваясь.*) Если мне позволят подбросить мыслишку в вашу магму, то мне кажется, что простое применение нескольких моральных принципов позволило бы вам понять друг друга...

Эффект. Все остальные удивлены, глаза вытуплены, рты открыты, как у рыб, хватающих воздух.

Видите ли, я всегда пристально интересовался делами моего ближнего. Я осуждаю эгоизм. И я горячий сторонник сердечного союза. Независимо от возраста и поколения, пола и ситуации, культуры и индивидуальности, да! Давайте стремиться к любви!

САННИ. (*Минни.*) Он смотрит на тебя или на меня?

МИННИ. Конечно на меня.

ВОРИШКА. Вилли, будьте добры снять наушники, когда я размышляю... Вилли!

ВИЛЛИ. *(Сняв наушники, обалдело.)* Хаух хисест?

КЭНДИ. Что ты имеешь против мьюзики?

САННИ. Да.

ВОРИШКА. Давайте музицировать, но не будем забывать о поцелуях.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Вы не хотели бы заняться одной дамой еще ничего, ухажер которой дезертировал?

ПИЖОНО. Тетя! Держите себя в руках.

ВИЛЛИ. Ай эм согласна. Кто будет кисс?

ШОФЕР. *(Насмешливо.)* Кисс? Я с удовольствием.

КЭНДИ. Ох, отвратный шоферишка! Секс-маньяк! Сатир!

ВОРИШКА. Дело в том, шофер, что ваши слова не отвечают требованиям строгой профессиональной морали, которую общество вправе ожидать от своего специализированного персонала.

ШОФЕР. Прежде чем судить других, перестань сначала тырить бумажники,

ВОРИШКА. *(Встревоженно.)* И к тому же, еще и шантажист высшей марки! Я шлю вам поздравления от молодого человека, который страдал, да, в своей жизни, у которого есть не только извинения, но и оправдания...

ШОФЕР. А я – я каждый день вижу в моем автобусе всяких шлюшек, и ни одну не приласкал.

ВИЛЛИ. Если нет поцелуев, тогда музыка! *(Снова надевает наушники.)*

КЭНДИ. Следует ли пожалеть шоферюгу, или нет? А, Санни?

САННИ. Я не петрю в фаллософии.

МИННИ. Старичье все время нудят. Типа.

ПИЖОНО. Неутомимо. Настоящее бедствие.

ШОФЕР. Что касается молодых карманников, они могли бы не устраивать конкуренцию внутри своих участков.

ВОРИШКА. Это атака, и притом гнусная. Вы просто не любите молодежь, вот и всё. Вы нам мстите за то, что вы старые.

КЭНДИ. Да! Надо поддерживать молодежь, девушек!

МИННИ. А то! Мицкатю!

ДРУГИЕ ДЕВУШКИ, затем ПИЖОНО и ВОРИШКА. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!...

ДАМА В ЧЕРНОМ. Плачевно.

ОСТАЛЬНЫЕ. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ШОФЕР. С их куриными мозгами они ни черта не понимают... Ох!

Громкий крик шофера, который без должного внимания следил за дорогой; он изо всех сил тормозит; скрежет колес; звук удара.

Кретин пешеход! Ах дерьмо! Опять! Второй за шесть месяцев... Теперь будет история...

Занавес в глубине поднимается. Декорация представляет собой площадь с фонтаном в центре, магазины. Видна остановка автобуса, к которой он должен был прибыть. Ударенный пешеход находится, по-видимому, под автобусом, его не видно. Шофер выходит, остальные прилипают к окнам.

КЭНДИ. Я на земле никого не вижу.

МИННИ. Есссно, если он под.

САННИ. Под автобусом.

КЭНДИ. По-любому, он не жалуется. Видно, парень нормалёк.

ВИЛЛИ. А если это гёл?

ОСТАЛЬНЫЕ. *(В ужасе.)* Девушка? Ах!... Этот шофер раздавит и девушек!

ПИЖОНО. Я ему этого не позволю!

САННИ. *(Взволнованно.)* Ради нас вы сами сядете за баранку?

ПИЖОНО. Какие у вас сладкие губки.

Снаружи.

ШОФЕР. Ну, куда же он делся? Ай-яй-яй, у меня впечатление, что он в лепешку.

Посмотрим, двигается ли он еще. *(Пинает тело под автобусом ногой.)*

Из лавок, что на четырех углах, возникают четыре старика в черных одеяниях с очень длинными седыми волосами и бородами.

МАФУСАИЛ. *(Приближаясь.)* Кажется, этому типу крышка.

ШОФЕР. Эх, да. Досадно немного.

МАФУСАИЛ. Почему?

ШОФЕР. По моему контракту, я имею право только на одного задавленного в год.

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Приблизившись.)* Но я вас узнал! В последний раз это тоже были вы!

ШОФЕР. Мне осточертело проводить свою жизнь за баранкой автобуса.

МАФУСАИЛ. Как я вас понимаю! Мне бы это тоже не нравилось.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Достаточно следить за дорогой, вот и все.

ГИБЕРНАТУС. *(Подходит, заглядывает под автобус.)* Эге, еще один молодой человек, который думал, что он нас похоронит. Смят в лепешку.

МЕЛЬХИСЕДЕК. По словам шофера, он не имел на этого типа разрешения.

ГИБЕРНАТУС. А, так это подарок?

МАФУСАИЛ. Он просто рассеянный, вот и всё.

ГИРИСТОФАМИС. *(Медленно подходя последним.)* Кто тут умер?

МЕЛЬХИСЕДЕК. Он, может быть, еще и не умер.

ШОФЕР. Боюсь, что да. Я бил его ногой в бок, он не шевелится.

ГИРИСТОФАМИС. Надо удостовериться.

ГИБЕРНАТУС. Да.

МАФУСАИЛ. *(Зовет людей, которые ждут неподалеку на остановке автобуса.)* Эй! Может кто-нибудь подойти нам помочь?

НАПОЛЕОН. Еще чего! Я не хочу пропустить следующий автобус, лично у меня важная встреча.

ЦЕЗАРЬ. Мною также нельзя располагать. Я сожалею, но, сами понимаете, дела...

Может быть, месье?

КОРНЕЛЬ. Нет.

НАПОЛЕОН. Почему нет?

КОРНЕЛЬ. Я не люблю мертвецов, вот и все.

ЦЕЗАРЬ. Что ж, причина достаточная.

НАПОЛЕОН. Да.

ГИРИСТОФАМИС. Ну вот, снова повторяется, как было шесть месяцев назад, когда пришлось торчать тут долгие часы, а всего делов-то - перетащить мертвеца в канаву.

ШОФЕР. Но все же нужно, чтобы он освободил место для движения транспорта. Не может же он заставлять весь мир вечно заниматься своей мелкой персоной.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Мафусаил, у тебя есть какие-нибудь идеи?

МАФУСАИЛ. Нет. А у вас, Гибернатус?

ГИБЕРНАТУС. Идеи, это скорее по части Гиристофамиса.

ГИРИСТОФАМИС. А вы, Мельхиседек, что вы об этом думаете?

МЕЛЬХИСЕДЕК. Пожалуй, неплохо бы известить полицию, как в прошлый раз.

ГИБЕРНАТУС. Учитывая обстоятельства, это правильно.

МАФУСАИЛ. Менты или без них, покойник не будет от этого менее мертвым. А они к нам прицепятся.

ГИБЕРНАТУС. А мертвый ли он?

МЕЛЬХИСЕДЕК. К этому вопросу все время приходится возвращаться.

ВОРИШКА. *(Выходя из автобуса. Он сильно возбужден.)* Черт побери! Я его выташу!

Я! Бедняга... *(Делает это.)*

ДЕВУШКИ. Bravo!

МИННИ. *(Взволнованно.)* Настоящий Мицкату.

ВОРИШКА. *(Позируя, ставит ногу на покойника.)* Вот!

МАФУСАИЛ. Этот малыш неплох.

МЕРТВЕЦ. Аааааа...

ШОФЕР. Он сказал «аааа». Ясно, что он абсолютно мертв... Живой покрыв бы меня выражениями.

ГИБЕРНАТУС. Является ли это доказательство достаточным?

ГИРИСТОФАМИС. Что если обследовать этого типа повнимательней?

ШОФЕР. О нет, у меня нет сил. Пусть лучше его сразу спихнут в канаву.

МАФУСАИЛ. Все-таки следует узнать, кто он, этот субъект.

ШОФЕР. *(С горечью.)* И никто не думает обо мне и моих проблемах...

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Воришке.)* Может, это вы на него взглянете?

МЕРТВЕЦ. Аааааа...

МАФУСАИЛ. А он упрямец.

ВОРИШКА. *(Разглядывая мертвеца.)* Это кто-то, кого я не знаю.

ГИРИСТОФАМИС. Думаете, я его знаю?

ВОРИШКА. У него вид человека, которого никто не знает.

МАФУСАИЛ. Ему не повезло, телевидения не будет. Знаменитости всегда дают себя раздавить в другом месте.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Но зато здесь умирают в тишине.

ГИБЕРНАТУС. И надолго.

ГИРИСТОФАМИС. И какое-то развлечение каждые шесть месяцев. Не так плохо.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Она приблизилась к окну после других.)* Жорж! Жорж!... Это Жорж... *(Выходит из автобуса.)* Это мой муж!

ВОРИШКА. *(Сурово.)* Прежде чем делать это заявление, вы могли бы, по меньшей мере, дождаться, когда он будет окончательно мертв.

ПИЖОНО. *(Следуя за дамой.)* Тетя, постойте. Ваш муж мертв уже шесть месяцев. Его не может хватить на все несчастные случаи с автобусом.

ШОФЕР. Верно. Для этого каждый раз нужен кто-то новый.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Пижоно.)* Но ты посмотри, посмотри!

ПИЖОНО. Гляди-ка!.. М-да... Мой дядя! Ну что ж, у вас хотя бы не будет угрызений совести, что вы не пошли на его похороны в прошлый раз.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Это снимает с меня огромную тяжесть.

ВОРИШКА. Она сможет теперь исправить свою оплошность.

ШОФЕР. Благодаря мне.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Однако всё еще неизвестно, хочет ли он окончательно умереть.

МАФУСАИЛ. Особенно еще и потому, что покойник хитрюга, он уже один раз всех обманул.

ГИБЕРНАТУС. Мне кажется, он не так расплющен, как шесть месяцев назад.

ГИРИСТОФАМИС. Но, в конце концов, что думает сам мертвец обо всем этом?

МЕРТВЕЦ. Ааааа...

МАФУСАИЛ. Все время повторяет одно и то же. Меня это просто бесит.

ВОРИШКА. Старички, тихо. Тут стоит вдова.

ГИБЕРНАТУС. Ну и что?

ДАМА В ЧЕРНОМ. А то, что я страдаю.

МЕЛЬХИСЕДЕК. У вас было шесть месяцев, чтобы его оплакивать. Вы ведь не собираетесь устраивать нам из этого страдания кино?

ПИЖОНО. По правде говоря, у нее не было для страдания времени.

ГИРИСТОФАМИС. Почему?

МАФУСАИЛ. Что же она делала?

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Опустив глаза.)* Я целовалась с Пижоно.

МЕРТВЕЦ. Мерзавка.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Но в этот раз я твердо решила проследить за твоими похоронами... И выбрать кремацию. Это более надежно.

МЕРТВЕЦ. Я не хочу.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Да, мой дорогой. Я вдова, я решаю. Ты кончишь тем, что превратишься в пепел.

МЕРТВЕЦ. Неужели тут нет кого-нибудь с добрым сердцем, чтобы меня защитить?

ГИБЕРНАТУС. Всегда можно спросить.

МАФУСАИЛ. Да, это ничего не стоит.

ЧЕТЫРЕ СТАРИКА. *(Кричат во все четыре стороны.)* Эй! Есть ли тут кто-нибудь с добрым сердцем, чтобы его защитить?

ВОРИШКА. Я!

МИЛАШКИ. *(В восторге.)* Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

МАФУСАИЛ. Вы оригинал... Ну ладно, вас слушают.

ШОФЕР. Если вы это сделаете, я в следующий раз не возьму вас на свой борт. Идите воруйте в другом месте.

МЕРТВЕЦ. Дайте сказать моему адвокату, я имею на это право.

ПИЖОНО. Это верно, тетя. Он действительно имеет право.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Даже мертвый, он меня нервирует. Ах, если бы я была шофером автобуса! Уж я бы в первый раз не дала осечку!

ВОРИШКА. Дамы, господа, старые сморчки и вы, прелестные крошки, такие возбуждающие...

МИЛАШКИ. *(В восторге.)* Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ВОРИШКА. У мертвеца есть принципы. Он не торопится превратиться в пепел. Но может ли он противиться утешению своей вдовы, ее удовольствию иметь своего мужа в печи? Урна, в которой он проведет свою вечность – я представляю ее разрисованной большими цветами, солнышками, макаками, и обнаженный ангелочек со сложенными крыльями – урна, чтобы вдова время от времени могла приподнимать крышку и созерцать своего любимого... Разумеется, супруга, пока молода, имеет любовника; он ее покинет, она возьмет себе другого, ведь это возбуждает; до тех пор, пока она не получит свою порцию секса, ничто ее не успокоит. Но, в конце концов, она человеческое существо, покойник должен ее понять и остаться рядом, чтобы поддерживать ее морально. Вот почему желательно отвергнуть его посмертное ходатайство.

МЕРТВЕЦ. Дебилоид.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Я весьма тронута вашей блестящей речью.

ВОРИШКА. Вы еще вполне ничего, вполне. Я мог бы помочь вам перевезти урну.

ВИЛЛИ. Аоао... Ай вонт также спик речь. Потому что не согласна с этим молодым красивым бой, который имеет вид с хорошими мускулами.

К большому удивлению присутствующих, она выходит из автобуса.

Нужно типа респект мертвых. Если он не вонт, значит нет. Сжигать – ноу. Я – френч девушка из многих френчей. И я говорю: да здравствуют традиции, да здравствуют гробы! Мой папа сделает его вам со скидкой.

МЕРТВЕЦ. Если уж так, то я хочу, чтобы гроб был высшего класса.

ВИЛЛИ. Да. Она заплатит, а ты в него ляжешь. Тебе повезло.

ВОРИШКА. *(Вилли.)* А ты еще аппетитнее, чем вдова. Можно тебя потрогать?

ВИЛЛИ. Yes, come. *(Привлекает его к себе. Они обнимаются.)*

МИЛАШКИ. Bravo! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Отвратительно!

ПИЖОНО. В конце концов, на мою долю остаются трое.

КЭНДИ. Я, я! *(Выходит из автобуса и бросается в его объятия.)*

ПИЖОНО. Я бы предпочел Минни.

КЭНДИ. Жаль. C'est la vie. Такова жизнь.

МИННИ. Его счастье для меня важнее собственного. Впрочем, я же Мицкату, не так ли?

САННИ. Отвратный денек.

МЕРТВЕЦ. Совершенно с вами согласен.

ШОФЕР. А до меня никому нет дела...

МАФУСАИЛ. *(Остальным старикам.)* Господа, на правах самых старших именно нам следует принять решение. Вы хорошо подумали?

ГИБЕРНАТУС. О чем?

МЕЛЬХИСЕДЕК. У меня не было времени думать.

ГИРИСТОФАМИС. У меня тоже.

МАФУСАИЛ. Подумать о мудрости. Следует указать людям нужное направление, назвать им путь, ведущий к счастью.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Не злоупотреблять алкоголем, не злоупотреблять табаком, не злоупотреблять сексом...

ГИБЕРНАТУС. Чего вдруг? Для этого хватает стариков.

МАФУСАИЛ. Да, их вполне достаточно.

ГИРИСТОФАМИС. Посмотри на покойника: два раза он оказался под автобусом и готов сделать третью попытку. Нуждается ли он в наших советах?

ГИБЕРНАТУС. Он нуждается в третьем автобусе, а не в глубоких мыслях.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Эй вы, самоубийца! Объяснитесь. Каковы ваши намерения?

МЕРТВЕЦ. Немного больницы. И до встречи через шесть месяцев.

ГИБЕРНАТУС. Он не такой уж и требовательный... К тому же, он мертвец, пригодный для многократного использования. Это экономично, прилично и развлекает.

МАФУСАИЛ. Оказывается, вы можете быть эгоистом.

ГИБЕРНАТУС. Я? В чем? Разве я когда-нибудь кого-нибудь сделал покойником?

МАФУСАИЛ. Но вовсе не лучше использовать других покойников для собственного удовольствия!

ГИРИСТОФАМИС. В нашем возрасте можно себе позволить небольшие поблажки.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Послушайте, Гиристофамис, не чувствуете ли вы ответственность по отношению к более молодым?

ГИРИСТОФАМИС. Нет.

ГИБЕРНАТУС. Никакой.

МАФУСАИЛ. На кой же черт тогда стареть, если сохранять ментальность юнца?

ГИРИСТОФАМИС. Юнец – я! Повтори, если хватит смелости, ты, облезшее чучело!

МЕЛЬХИСЕДЕК. Оставь его в покое...

ГИБЕРНАТУС. Почему он всегда играет в какого-то ментора?

МАФУСАИЛ. Попытайся лучше себя немного воспитать...

ГИРИСТОФАМИС. Подожди, сейчас увидишь, воспитан ли я... *(Бросается на него с кулаками. Тот защищается.)*

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Вмешивается, чтобы их разнять.)* Остановитесь, вспомните о вашем достоинстве...

ГИБЕРНАТУС. *(Мельхиседеку.)* Аа, ты хочешь его защитить! Вот, получай!

МЕЛЬХИСЕДЕК. Гибернатус, вокруг люди...

Все четверо дерутся, хватая друг друга за волосы и бороду. Гиристофамис, единственный, у которого есть палка, пытается бить ею остальных.

МИЛАШКИ. *(В восторге.)* Bravo! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Тайаут, тайаут! (Time out!)

ПИЖОНО и ВОРИШКА. *(Поют,)*

Любовь, безумный автобус, опьянение,
Мы состаримся вместе,
Мы состаримся вместе,
Горячие, сладкие любовницы,
Нежные сердца,
Нравы без фокусов...

МАФУСАИЛ. *(Яростно.)* Я вас всех похороню!

ГИРИСТОФАМИС. *(Бьет его палкой.)* На, получай!

МЕРТВЕЦ. *(Поет вокализом.)* А а а а а а, а а а а, а а а а а а...

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Сделав передышку, произносит с удовольствием.)* Точно, как шесть месяцев назад. Мы вечно обновляемся.

ГИБЕРНАТУС. *(Сделав передышку, произносит с удовольствием.)* Ах, как приятно почувствовать себя живым! Ну, давай, еще немного! *(Возобновляет драку.)*

ПИЖОНО и ВОРИШКА. *(Поют,)*

Любовь, безумный автобус, опьянение,
Мы состаримся вместе,
Мы состаримся...

МЕРТВЕЦ. *(Поднимается и уходит, продолжая петь вокализом.)* А а а а а а, а а а а

ДАМА В ЧЕРНОМ. С кем же я буду теперь заниматься любовью?

ШОФЕР. Кто же скажет хоть слово об одиночестве водителя автобуса?

ГИРИСТОФАМИС. *(Продолжая драку.)* Ах, славный денек!

МАФУСАИЛ. *(Яростно.)* Я вас всех похороню!

КОНЕЦ ПЬЕСЫ «Автобус номер сорок»

3. *Стыдись, Лола!*

Honte à toi, Lola !

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лола

Марк

Родольф

Англичанка постарше

Англичанка помоложе

Пять женщин

Пешеходная улица, мощеная на всем протяжении, ярко выкрашенные фасады, зеленые, красные, желтые. Горшки с цветами. На первом плане кафе «Твоя» со столами и стульями снаружи, на улице. Справа дом без передней стены; можно видеть вестибюль, гостиную и кухню Лолы. Видны магазины, поперечные переулки и поодаль улица с интенсивным движением автомобилей.

Лола сидит у себя в гостиной в сверкающем коричневом платье с красным платком вокруг шеи. Длинные волосы. Это пышногрудая блондинка с громким голосом. Она сидит в кресле, положив ноги на подлокотник, и держит в руках газету, которую она просматривает, хмуря свои прекрасные брови. В нескольких шагах от нее стоит Марк, в очень хорошем прикиде.

Часы показывают 8 утра.

МАРК. Постарайся понять... Я должен! У меня обязательства. Нужно, чтобы...

ЛОЛА. *(Насмешливо.)* Ха-ха!

МАРК. Да, у меня есть обязанности. Мне платят, и взамен я...

ЛОЛА. Ты просто пытаешься сбежать. *(Она поднимается, швыряет газету на кресло и быстро подходит к нему.)* Правда, хорошо, что у тебя есть это *(кладет ему руку между ног)*. Скажи, у тех, кто тебя наняли, это лучше? Меня к тебе влечет... *(Раздвигает бедра.)*

МАРК. *(Отступая.)* Неужели для тебя все сводится к сексу? Ведь ты просто животное.

ЛОЛА. Да, я настоящий зверь.

МАРК. Прости, но цивилизованный человек вернется повидать зверя только после своей деловой поездки в Камерун. *(Подходит к Лоле, чтобы ее поцеловать, но, увидев ее в той же позе, останавливается.)* Ладно, до скорого. *(Уходит.)*

ЛОЛА. *(Яростно.)* Ах, если бы я была мужчиной! *(Подходит к зеркалу.)* Я – это ты. О, мой дорогой, как я тебя люблю... Ты такой мускулистый... Я люблю ощупывать твои мускулы... *(Гладит бицепс на своей руке.)* У тебя бронзовый живот, он не боится ударов. А я хочу тебя бить! *(Бьет себя кулаком по животу.)* Ты ничего не чувствуешь, а я уже выдохлась. Но, черт возьми, какой красивый парень! *(Возвращается к креслу.)* Ладно, он ушел, но я осталась, чтобы составить самой себе компанию. Без этого я умру от скуки... *(Садится, потом снова встает.)* Пойду наклею себе на грудь волоски. Это меня развлечет. *(Выходит.)*

На пешеходной улице появляется Родольф. Деловой костюм, в руках портфель и экономическая газета. У него вид одновременно торопящегося и неуверенного в себе человека. Проходя мимо кафе, он, поколебавшись, садится. Ждет.

РОДОЛЬФ. Так... *(Очень громко.)* Я жду! *(Тишина. Кричит.)* Я здесь, сижу на террасе! Я хочу кофе! *(После паузы.)* Пожалуйста.

ЛОЛА. *(Появляясь у себя в комнате и выглядывая в дверь.)* Ага! Клиент... *(Громко.)* Вы что, не знаете, который час?

РОДОЛЬФ. *(Ожидавший увидеть ее с другой стороны.)* Как раз знаю. Это час моего утреннего кофе. Мне нужно выпить чашечку кофе перед тем как я пойду на мою деловую встречу.

ЛОЛА. Вы не могли выпить его у себя дома?

РОДОЛЬФ. Вас это не касается. Поторопитесь!

ЛОЛА. Но у меня и вправду нет времени. Я приклеиваю сейчас волоски на грудь.

РОДОЛЬФ. *(Переваривая информацию.)* Моя жена, она напротив, занята обычно тем, что выдергивает их на ногах.

ЛОЛА. *(Входя.)* Обычно я тоже. *(Она ожидает дальнейших доверительных признаний, но они не поступают. Родольф тоже ждет. Пауза.)*

РОДОЛЬФ. Вы умеете варить кофе?

ЛОЛА. *(Бесстрастно.)* Да.

РОДОЛЬФ. Умение – это прекрасная вещь. Особенно, когда его используют на практике.

ЛОЛА. *(Бесстрастно.)* Это ирония? *(Пауза.)* Хотите посмотреть мои волоски?

РОДОЛЬФ. *(Вначале оstonбнев.)* Нет.

ЛОЛА. *(Обиженно.)* Вот как?

РОДОЛЬФ. Если вы не принесете мне кофе, я пойду в другое заведение.

ЛОЛА. Других заведений тут нет. По крайней мере, поблизости.

РОДОЛЬФ. Вы сразу увидели, что я не в своем районе, да? А местные к вам заходят?

ЛОЛА. *(Усаживается на стул против него. С огромной симпатией.)* У вас хотя бы встреча в городе, а не в Камеруне. Может быть, это знак, вы не считаете?

РОДОЛЬФ. *(Насмешливо.)* Знак лично от бога?

ЛОЛА. *(Очень серьезно.)* Во всяком случае, знак свыше.

РОДОЛЬФ. Если вы приготовите мне кофе, потом можно будет погадать на кофейной гуще.

ЛОЛА. *(Сердито.)* Я лично пью по утрам чай. *(Поднимается.)* Вы не очень любезны. Тем хуже для вас.

РОДОЛЬФ. *(Язвительно.)* Скажите, разве не вы содержите кафе?

ЛОЛА. *(Задумчиво.)* Пожалуй, я пойду добавлю себе волоски. *(Возвращается к себе в дом.)*

РОДОЛЬФ. *(Один, глядя на улицу.)* Пустыня. Не слишком приветливое место. Могли бы поместить и пешеходов на свои пешеходные улицы... Чем ближе час встречи, тем больше я нервничаю... *(Смотрит на часы.)* Кофе меня хотя бы подбодрил... *(Помедлив, внезапно встает.)* Пойду приготовлю его сам. *(Хочет войти в кафе, но дверь закрыта. Он колеблется, затем заходит с другой стороны в квартиру к Лоле.)* Гм... *(Увидев перед собой пустую комнату, говорит громко, но не слишком.)* Я вошел... А у вас не так и страшно... *(Про себя.)* Где тут кухня? *(Входит в одну из открытых дверей.)*

ЛОЛА. *(Появляется, придерживая рукой полурасстегнутое платье.)* Это был почтальон?

РОДОЛЬФ. *(Выходя из кухни, очень нервный.)* Я не могу найти кофе!

ЛОЛА. Да?

РОДОЛЬФ. Кофе или жизнь!

ЛОЛА. Лично я пью чай.

РОДОЛЬФ. А мне как-то все равно.

ЛОЛА. Все эгоисты.

РОДОЛЬФ. *(Не зная, что сказать.)* Платье у вас спереди застегнуто.

ЛОЛА. *(Внезапно раскрывая платье.)* Посмотрите на это. *(Демонстрирует себя в лифчике, грудь покрыта черными волосами.)*

РОДОЛЬФ. *(В шоке.)* Чистая обезьяна!

ЛОЛА. *(Гордо.)* Фокус удался.

РОДОЛЬФ. На пляже вы произведете фурор.

ЛОЛА. *(Доверительно, приблизившись.)* Это потому что у меня смутно на душе.

РОДОЛЬФ. *(Отступая.)* А я в порядке.

ЛОЛА. *(Задерживая его, задумчиво.)* Странно так зависеть от мужчины.

РОДОЛЬФ. Вот как?

ЛОЛА. Моя мама – это был совсем не тот случай. Мой папа был коммивояжер. Когда

он уезжал, она говорила: «Наконец-то можно немножко пожить спокойно».

Пауза. Она, очевидно, ждет какого-то ответа от Родольфа, но ответа нет.

А чем занимался ваш отец?

Родольф озадачен.

РОДОЛЬФ. Я могу сесть? *(Садится на диван.)*

ЛОЛА. *(Она с интересом следит за его движениями.)* Вы не хотите мне это рассказать?

РОДОЛЬФ. Он занимался готовым платьем. Но я его едва знал. Он умер, когда я был сосунком.

ЛОЛА. *(Садится рядом с ним.)* Ах, бедный ребенок!

РОДОЛЬФ. Да... О, я еще ничего не понимал в том возрасте... Но позже, конечно...

ЛОЛА. Хотите поплакать на моем плече?

РОДОЛЬФ. За свои тридцать пять лет у меня было время оправиться.

ЛОЛА. *(Обиженно.)* Да? *(Посмотрев на Родольфа.)* Это все же не то, что он.

РОДОЛЬФ. *(Озадаченно.)* Вы о чем?

ЛОЛА. Я посмотрела на ваши ляжки, когда вы сиделись. Они немножко велики, но вовсе не плохи.

РОДОЛЬФ. *(Ошеломленно.)* Что?

ЛОЛА. Ляжки Марка более изысканны, более породисты...

РОДОЛЬФ. *(Вскочив.)* Эй, вы, женщина-обезьяна, следите за тем, чтобы не переходить границы.

ЛОЛА. О, вы не должны комплексовать... Я довольна и вашими ляжками.

Пауза. Родольф не знает, ни что ему отвечать, ни что ему делать. Лола начинает медленно расчесывать волосы. Некоторые из них при этом отклеиваются и падают.

На улице появляются две англичанки. Одной около сорока, другой вдвое меньше. Элегантная летняя одежда.

ЛОЛА. Как я вынесу этот долгий день?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Ее акцент более заметен, чем у младшей.)* Мужчина или женщина, которые обслуживают, плиз!

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Надо говорить «официантка».

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. А что? Разве официантка не обслуживает?

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Подумав.)* Да.

ЛОЛА. *(Оторванная от своих мыслей, идет к наружной двери.)* Ну и денек!

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Увидев Лолу.)* Женщина, два кофе!

ЛОЛА. *(Заинтересованно.)* Вы англичанки?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Да. Женщина, будут еще вопросы?

ЛОЛА. Я уже видела одну англичанку в прошлом году.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Значит, десять миллионов других англичан, которые высаживаются во Франция каждая год, к вам в кафе не приходят?

ЛОЛА. Не-а.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я поговорю об этом с королевой.

ЛОЛА. У вас хороший французский.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Да. Но если бы французы изучать немножко другие языки, не было бы нужда учить их языка.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я сначала пыталась изучать китайский; все же надеюсь,

что китайцы выучат французский.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. По крайней мере, наша изучение будет нам полезной.

ЛОЛА. Для чего?

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Например, чтобы получить кофе.

ЛОЛА. *(Рассержено.)* Англичане пьют чай, я тоже учила... *(Доверительно.)* У меня был друг, который занимался продажей одного из ваших сортов чая. Он меня оставил, но я все еще пью этот чай.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Английские женщины теперь эмансипированы, они пьют кофе, если хотят.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Причем очень крепкая. С большой количеством кофеина.

РОДОЛЬФ. *(Высунув голову из дверей кухни, радостно кричит.)* Я нашел кофе!

АНГЛИЧАНКИ. *(Думая, что он обращается к ним, заказывают.)* Два!

ЛОЛА. Я не в настроении. *(Садится.)* Скажите: вы, англичанки, что вы делаете, когда ваши мужчины отваливают в Камерун?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Мой никогда не захочет туда ехать.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Да и чего ради?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Но я ему мшу тем, что еду во Францию.

ЛОЛА. Я чувствую депрессию, когда он не со мной... И вот я приклеила волоски... Вы хотите взглянуть на мои волоски?

Англичанки переглядываются, не уверенные, что поняли вопрос.

РОДОЛЬФ. *(Вновь появляется, с дымящейся чашечкой, блюдцем и ложечкой.)* Вот! Беду удалось отвести. *(Выходит, чтобы вернуться к своему столику.)*

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Гарсон! Было сказано «два»!

РОДОЛЬФ. Что? *(Сообразив.)* Кофе готовят сами на кухне. Я все нашел, остается только приготовить. *(Усаживается за свой стол.)*

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Решившись, поднимается.)* Эти французы все больше американизируются.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Ворчит, но следует за Младшей.)* Куда делась былая Франция, где обслуживали в персональном стиле? Республика – это смерть цивилизации.

Они входят в кухню.

ЛОЛА. *(Родольфу.)* Я не в настроении.

РОДОЛЬФ. *(Прихлебывая кофе.)* А я в порядке.

ЛОЛА. Как твое имя-то?

РОДОЛЬФ. *(Недоверчиво.)* Родольф, а что?

ЛОЛА. А меня окрестили Лолой. Это имя выбрал мой папа.

РОДОЛЬФ. Да?

ЛОЛА. Моя мама предпочитала Элизабет.

РОДОЛЬФ. *(Довольный, кончает пить кофе.)* Это тоже неплохо.

ЛОЛА. Вовсе нет. Ну, действительно, представьте, что меня зовут Элизабет! Тогда я была бы не я. Это было бы ужасно.

РОДОЛЬФ. Не будем преувеличивать. В крайнем случае, было бы жаль.

ЛОЛА. Мама терзала папу, она была плохой женщиной; все время споры, все время крики. Она пыталась его бить. От этого у меня неизбежно появились психологические проблемы... *(Ждет реакции со стороны Родольфа; реакции нет. Блаженно развалившись в кресле, он смотрит вдаль.)* Но в этих трудных обстоятельствах я вела себя мужественно и завела дружка, чтобы отвести от себя

проклятье... *(Она снова ждет реакции Родольфа, и снова напрасно.)* Потом я завела второго. Марк был у меня третий.

РОДОЛЬФ. *(Взяв портфель.)* Мне пора идти на встречу. *(Не двигается с места.)*

ЛОЛА. Камерун его у меня отнял.

РОДОЛЬФ. Подлый Камерун.

ЛОЛА. И пришел ты.

РОДОЛЬФ. *(Обеспокоенно.)* О, я просто прохожу мимо, только и всего.

ЛОЛА. И это, конечно, знак.

РОДОЛЬФ. *(Поднимаясь.)* Я изучил план. Следующая улица направо, потом налево, и я на месте.

ЛОЛА. Вперед!

РОДОЛЬФ. Я бы охотно выпил еще чашку.

ЛОЛА. Вам нравится то, чем вы занимаетесь?

РОДОЛЬФ. Совсем нет.

ЛОЛА. А чем вы занимаетесь?

РОДОЛЬФ. Я специализируюсь на трубах, балках... На всем, что из цинка, из свинца...

ЛОЛА. *(Восхищенно.)* Как вам должно быть скучно!

РОДОЛЬФ. *(Садится, будто получив удар.)* Это да. Каждый день утром мне кажется Эверестом, а вечером – Сахарой.

ЛОЛА. Вы любите женщин?

РОДОЛЬФ. Нет.

ЛОЛА. Почему?

РОДОЛЬФ. Возможно, потому, что они не любят балки.

Англичанки выходят из кухни с чашками кофе в руках и возвращаются к своему столу.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Еще одна победа англичан!

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Это о разбитой чашке?

ЛОЛА. *(Хмуря брови.)* Разбили мои чашки?

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Она англофобка.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Мы не заплатим вам за обслуживание.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. А что с официантом? Он не выглядит бодрячком.

ЛОЛА. Он не хочет идти работать.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Надо его заставить. С моим мужем та же история. Мужчины любят всегда жаловаться.

РОДОЛЬФ. *(С горечью.)* А чем заняты вы?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я люблю своего мужа.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. А я изучаю маркетинг. Стажируюсь. Это чертовски скучно. И нужно изображать из себя энтузиастку.

РОДОЛЬФ. Вот уже семь лет я заставляю себя каждое утро изображать энтузиаста. Результат: одни женщины считают меня дураком, другие – лицемером. И потому оставляют меня в одиночестве... с моей женой... В общем, я не один... Я двое.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Угу.

ЛОЛА. А я считаю Родольфа очень милым.

Внезапно в окнах и дверях появляются пять женщин с совиными головами. Они пристально вглядываются внутрь кафе.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Это не имеет значения.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я тоже считаю тебя очень милым, но в моей постели

есть уже один тип в Англии.

ЛОЛА. (*Садится рядом с Родольфом.*) Не падай духом! Посмотри на меня: любовник в Камеруне, кафе, которое надо содержать с утра до ночи и которое ни черта не приносит...

АНГЛИЧАНКИ. (*Делая вид, что они удивлены.*) О!?

ЛОЛА. Без помощи мужчины я потеряю всё. Но я держу марку. Я молодая и храбрая современная молодая женщина. И я бы хотела через год иметь ребеночка.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Желание на любителя.

Женщины-совы вертят головами, как будто они увидели что-то интересное.

РОДОЛЬФ. (*Почти плача.*) У меня есть жена, но это единственная женщина, которая меня не привлекает, и которую я больше не переносу, она настоящая пытка для меня, всегда какие-то словечки исподтишка, всегда злобные недомолвки, всегда расставляет тебе западню...

ЛОЛА. (*Утешая.*) Она, конечно, тебе изменяет.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Логично.*) Если бы она нашла себе кого-то на стороне, она бы так себя с ним не вела.

ЛОЛА. А я, в отличие от нее, очень ласковая.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*С иронией глядя на Лолу.*) Бедный Родольф.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она снова начинает, эта грязная шлюха начинает снова.

РОДОЛЬФ. (*Внезапно поднимаясь.*) Я пошел на встречу.

ЛОЛА. (*Холодно.*) Пятнадцать франков.

РОДОЛЬФ. (*Удивленно.*) Как это?

ЛОЛА. Это кафе. В кафе платят.

РОДОЛЬФ. Но я приготовил кофе сам!

ЛОЛА. С нарушением неприкосновенности частного жилища.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Если он нарушил, он должен платить. Это нормально.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. И он побудил нас сделать то же самое.

Родольф достает бумажник.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Он мог бы заплатить за троих.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она хочет его зацапать с помощью денег.

РОДОЛЬФ. Держите. Вот купюра в сто франков. Мелочи у меня нет.

ЛОЛА. У меня тоже.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Врунья!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Грязная шлюха!

РОДОЛЬФ. (*Роется в карманах.*) Ага, вот десять франков. Это всё. (*Англичанкам.*) А у вас не найдется мелочь разменять сто франков?

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Какая мелочь?

ЛОЛА. Если вы не заплатите, я вызову полицию. Я знаю, где у вас встреча, полиция схватит вас в присутствии ваших партнеров, они сообщат вашим хозяевам, и вы потеряете место.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. У-ух! (*Улюлюкают, кричат, шипят.*)

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Будьте настороже: она не остановится ни перед чем!

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Восхищенно.*) Эта французенка умеет сражаться.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Скептически.*) Подождем, чтобы оценить ее эффективность.

РОДОЛЬФ. Из-за пяти франков... Эта женщина-обезьяна в самом деле отвратительна.

ЛОЛА. Я хороша в постели, это искупает всё.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Заинтересованно.*) Ух ты, я и не знала.

РОДОЛЬФ. Хорошо, я оставляю вам сто франков. Восемьдесят пять франков – чаевые.

(*Швыряет на стол купюру.*)

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Он ускользнет.

ВСЕ ПЯТЕРО. Ух!

ЛОЛА. Купюра фальшивая.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Она на ее стороне.*) Это сразу видно.

РОДОЛЬФ. (*Озадаченно.*) Почему это видно?

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Сто франков так не швыряют.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. В Англии уважают деньги, даже французские.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Если вы не уважаете эти сто франков, значит они того и не стоят.

РОДОЛЬФ. (*Хочет уйти.*) У меня нет времени. Нет времени.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Надо уходить!

ЛОЛА. Как только я тебя увидела, я сразу поняла, что мы будем спать вместе. Ты увидишь, как я послушна в постели.

РОДОЛЬФ. (*Останавливаясь.*) Черт побери, какая женщина!

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я бы хотела на это посмотреть.

РОДОЛЬФ. Жаль, что у меня нет времени.

ЛОЛА. Иди к своей сварливой жене, она никогда не родит тебе детей, или воспитает их так, что они будут тебя презирать.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*С деланной серьезностью.*) Нежная и ласковая женщина, у вас не будет другого такого шанса.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Надо уходить!

ЛОЛА. (*Тонем надгробной речи.*) Он посвятил свою жизнь цинковым и свинцовым трубам, жил очень несчастливо, но неплохо зарабатывал. Он проглотил тонны кофе, чуть в нем не захлебнувшись. Родольф нас покинул, но он жил так мало, что ничего и не видел.

РОДОЛЬФ. (*Кладет свой портфель.*) Ну и что? У всех так! От этого не уйти! Вы знаете какой-то трюк, чтобы этого избежать?

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Иметь мужа в Англии.

ЛОЛА. (*Открывая верх своего платья.*) Посмотри на мои волосы, я приклеила их, чтобы развлечься, а теперь мне кажется, что они растут и становятся все гуще.

РОДОЛЬФ. (*Вид ее груди его нервирует, но и интересует.*) Это не так страшно, это просто паранормально.

ЛОЛА. Я бы хотела, чтобы ты вырывал их своей рукой, и чтобы каждый раз это причиняло мне боль.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Надо уходить!

ЛОЛА. (*Она единственная, кто совершенно их игнорирует. Приближаясь к Родольфу.*) Я уверена, что ты хочешь заставить женщину страдать, медленно, долго, после всего, что она тебе сделала, после всего, что они тебе еще не сделали... Приди, отомсти.

РОДОЛЬФ. (*Вспотев и тяжело дыша.*) Уф!..

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я тоже буду выдергивать волосы.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я думаю, она француженка итальянского происхождения.

Лола подходит к Родольфу все ближе.

РОДОЛЬФ. У меня нет времени. Нет времени!

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Поторопись! Уходи!

ЛОЛА. Реализуй со мной свои фантазии! Узнай, что такое страсть!

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*Вытирает пот со лба.*) Франция жаркая страна.

ЛОЛА. С этими типами там, на встрече, ты будешь думать обо мне. Ты больше не сможешь не думать обо мне, о моем теле, о том, что ты будешь со мной делать...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Грязная шлюха!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Проститутка!

ЛОЛА. Сделай это. Осмелюсь. Я очень хочу. Я подчинюсь тебе.

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она снова начинает!

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Стыдись, Лола!

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Нимфоманка!

ЛОЛА. Я не могу жить без тебя, без мужчины, без настоящего мужчины, ты хозяин, ты мой хозяин, возьми меня.

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она говорит эти речи всем и каждому, не верь ей!

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Если ты останешься, все изменится.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Сначала она обещает, потом потребует.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Грязная шлюха!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Проститутка!

РОДОЛЬФ. (*Растерянный, нервный, возбужденный.*) Я теперь уже не знаю, я не знаю...

ЛОЛА. (*Приникая к нему.*) Мне нужен мужчина, и ты мужчина, я хочу тебя, мне плевать на их мнение, не слушай их. Ты думаешь, у тебя будет другой такой случай иметь в своем полном распоряжении такую женщину, как я?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. (*С иронией.*) Да уж, такую, как она, ты не найдешь, будь спокоен.

РОДОЛЬФ. (*Растерянный, ласкает волосы Лолы.*) Ну, я... Если мне не придется заниматься всеми этими балками из цинка и свинца...

ЛОЛА. (*Очень нежно.*) Я тебе это обещаю. Ты будешь служить в кафе.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. (*С иронией.*) Какое повышение!

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я обещаю быть вашей клиенткой каждый раз, когда я буду во Франции.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. (*С иронией.*) Тогда их будущее обеспечено.

ЛОЛА. (*Влюбленно.*) Как только ты меня увидел, я поняла, что ты меня хочешь.

РОДОЛЬФ. Черт возьми, какие у тебя формы! (*Его руки скользят по изгибам тела Лолы.*) Но, дорогая, чтобы кафе приносило доход, надо его хотя бы открыть.

ЛОЛА. (*Сияя.*) Ты его откроешь.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она не позволит тебе ничего делать!

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она никого здесь не захочет!

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Надо уходить!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Она наносит один удар за другим!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Я говорю тебе, это шлюха. Грязная шлюха!

ЛОЛА. (*Ластится, как кошка.*) Возьми мою грудь в свои руки, я знаю, что ты этого хочешь.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Ух!

ЛОЛА. Пусть они смотрят, мне все равно. Я бы хотела, чтобы смотрели все. Пусть все видят, как я отдаюсь тебе.

РОДОЛЬФ. (*В экстазе.*) Вырвать эти чертовы волосы один за одним и кусать тебя.

ЛОЛА. Я этого хочу!

РОДОЛЬФ. Положить тебя голой здесь, посреди улицы, и подчинить тебя моим капризам.

ЛОЛА. Я этого хочу!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Проститутка!

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Поездки во Францию всегда полны сюрпризов.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. *(Сглатывая слюну.)* Она серьезно, что ли?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Шлюха! Грязная шлюха!

ЛОЛА. Пусть они меня оскорбляют. Это ради тебя.

РОДОЛЬФ. Я говорю тебе все это, но не знаю, почему. Я не хочу причинить тебе даже малейший вред.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. *(Хохочут.)* Простак!

РОДОЛЬФ. *(Бросив взгляд на женщин.)* Я не хочу больше даже касаться тебя перед этими чудовищами.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Ух!

ЛОЛА. *(Нежно увлекая его.)* Пойдем в мою комнату.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Час твоей встречи уже прошел.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Если она важная, ты уже потерял работу.

РОДОЛЬФ. *(Сбитый с толку.)* Это верно. Что же со мной будет?

ЛОЛА. Идем.

Он колеблется.

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Иди же, дурачок. Такая Лола в чьей-то жизни лучше, чем король Англии.

ЛОЛА. *(Торопя его.)* Скажи: «В постель, Лола!» и унеси меня. *(Покрывает его поцелуями.)*

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Ух!

РОДОЛЬФ. *(Стараясь быть твердым мужчиной.)* Да, я человек решительный... *(Меняя тон.)* Не знаю, где я и что я...

ЛОЛА. *(Целуя и обнимая, увлекает его за порог своего дома.)* Здесь ты будешь спокоен со мной, иди, мой дорогой, иди.

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Спокойным с Лолой? Такое бывает не часто.

ЛОЛА. Оставим все двери открытыми. Пусть они слышат, как я кричу.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА-СОВА. Проститутка!

РОДОЛЬФ. *(Теряя голову.)* Да, Лола, да, пусть я тебя обниму, будем вместе, сольемся друг с другом, пусть я буду с Лолой раз в жизни, а там будь что будет. *(Страстно целует ее, в то время как она увлекает его к своей комнате.)*

МЛАДШАЯ АНГЛИЧАНКА. Я бы тоже хотела такое.

СТАРШАЯ АНГЛИЧАНКА. Начни с того, что заполучи мужа в Англии.

ЖЕНЩИНЫ-СОВЫ. Ух!

ЛОЛА. *(На пороге своей комнаты.)* Я твоя. Ты меня не покинешь больше. *(Горячо целует его.)*

КОНЕЦ